

УДК 159.947.2

**ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ
НА ЭТАПЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОБЛЕМНОЙ СИТУАЦИИ***С. А. Дранишников*

Исследование проблемы принятия решений занимает одно из центральных направлений в исследовании проблемы оптимизации не только профессиональной деятельности, но и деятельности, регулирующей поведение субъекта в обычных жизненных ситуациях. Во многих отечественных и зарубежных работах, посвященных разрешению возникшей проблемной ситуации, отмечается обязательное присутствие процессов когнитивного отражения и процессов, регулирующих это отражение, а также поведение и деятельность человека в целом (т. е. процессов, связанных с работой аппарата принятия решения). То есть одновременно заняты, по крайней мере, две подсистемы психики – когнитивная и регулятивная. Поэтому описание целостного процесса принятия решения можно получить только через анализ их совместного функционирования.

Процесс принятия решений представляет собой интеллектуально-волевой акт выбора наиболее эффективных способов выхода из проблемной ситуации. Понятие «Проблемная ситуация» в практической деятельности не вызывает больших разногласий среди ученых. «Проблемная ситуация означает, что в ходе деятельности человек натолкнулся, часто совсем неожиданно, на что-то непонятное, неизвестное, тревожащее и т. д. Проблемная ситуация – это довольно смутное, еще не очень ясное и мало-осознанное впечатление, как бы сигнализирующее: что-то не так, что-то не то» [11, с. 335]. Важнейшим отличительным признаком проблемной ситуации по сравнению с большинством ситуаций деятельности является невозможность для субъекта разрешать ее привычными средствами и способами. Суть проблемной ситуации в необходимости поиска новых (для данного субъекта) путей выхода из затруднения или адаптации уже известных способов деятельности к новым условиям.

Казалось бы, обнаружение проблемной ситуации в деятельности само по себе должно стать для субъекта стимулом, запускающим процесс мышления. Однако исследования различных эпизодов практической деятельности показывают, что не любая проблемная ситуация рассматривается субъектом как требующая решения. Это обстоятельство вызывает необходимость изучения особого этапа практического мышления, на котором происходит определение того, насколько необходимо разрешать возникшее затруднение [5].

Процесс, происходящий на данном этапе, с полным правом можно отнести к процессам принятия решения. При этом необходимо заметить, что рассматриваемый феномен отличается определенной спецификой по сравнению с процессом принятия решения в традиционном понимании. В своей работе Е. В. Конева выделяет следующие особенно-

сти принятия решения на этапе возникновения проблемной ситуации [5].

1. Принятие решения осуществляется в условиях крайне ограниченного количества альтернатив. По сути, субъект практического мышления имеет в данном случае дело лишь с двумя альтернативами: производить дальнейшую мыслительную обработку сложившейся ситуации или нет. Существуют некоторые вариации этих двух основных возможностей. Например, отметить необходимость решения, но отсрочить его и т. п. Но в любом случае спектр вариантов очень узок. При этом информационная основа принимаемого решения чрезвычайно широка в силу того, что проблемная ситуация рассматривается в контексте всей системы деятельности. Наличие или отсутствие дальнейшей мыслительной работы с ней определяется многообразными связями, которые существуют у нее с другими элементами деятельностной ситуации. Особенности этих элементов и характер связи с ними оказывают существенное влияние на результат процесса принятия решения.

2. Этап определения степени необходимости разрешать проблемную ситуацию слабо осознается и плохо вербализуется даже на фоне других этапов мыслительного процесса в практической деятельности. Данный факт был зафиксирован в исследовании, в котором изучались конструкты, используемые представителями различных профессий для характеристики возникающих в их деятельности проблемных ситуаций [4]. Предполагалось, что испытуемыми будут названы конструкты, характеризующие, по меньшей мере, три этапа мыслительного процесса в трудовой деятельности: возникновение проблемной ситуации, конечный этап ее обработки (то есть этап построения мыслительной задачи) и конечный этап разрешения проблемной ситуации. Работая далее лишь с конструктами, обладавшими высокой степенью общности у разных испытуемых, было обнаружено, что из нескольких десятков конструктов лишь два конструкта характеризуют этап возникновения проблемной ситуации. Это обстоятельство, видимо, можно объяснить тем, что для профессионала важен не сам момент столкновения с затруднением в деятельности, а способы разрешения этого затруднения. Разрешается же, собственно, не проблемная ситуация как таковая, а формулирующаяся на ее основе мыслительная задача. Поэтому в называемых конструктах испытуемые представляют в основном элементы мыслительной задачи. Свернутость этого этапа практического мышления затрудняет его изучение.

3. Принятие решения на этапе возникновения проблемной ситуации имеет определяющее значение для всего дальнейшего процесса. Во-первых,

естественно, что мышление не будет участвовать в разрешении проблемы, если субъект не расценил проблемную ситуацию как подлежащую решению. Во-вторых, на рассматриваемом этапе субъект производит первичную мыслительную обработку проблемы, что обозначает направление дальнейшего поиска решения. Данная обработка состоит в отношении проблемной ситуации к определенному месту в субъективной классификации проблемных ситуаций. Классификация нередко строится на основании каких-либо приемов, которые использует субъект для разрешения возникающих в деятельности затруднений. Следовательно, этап принятия решения о степени необходимости дальнейшей мыслительной работы с проблемной ситуацией задает направление последующему процессу поиска.

Результат решения на этапе возникновения проблемной ситуации зависит от широкого ряда факторов. Часть из них изучалась в контексте общей теории принятия решения. Полученные результаты приложимы и к рассматриваемому процессу. Так, А. В. Карпов пишет о структуре деятельности как детерминанте процессов принятия решения [1]. Применительно к рассмотрению проблемной ситуации, как в большей или меньшей степени подлежащей решению, можно отметить такой элемент структуры деятельности, как степень свободы субъекта в выборе вариантов ее осуществления. Чем она выше, тем больше проблемных ситуаций субъект «позволяет» себе решать. Существуют немногочисленные работы, посвященные собственно закономерностям «видения» ситуации как проблемной.

Например, Ю. К. Корнилов подчеркивает важность для рассматриваемого процесса мотивационной составляющей деятельности [6].

Тем не менее картина детерминант принятия решения на этапе возникновения проблемной ситуации в настоящее время неполна. Предположительно эти детерминанты составляют как минимум две большие группы: внешние и внутренние. К первым относятся особенности деятельности, ко вторым – индивидуальные качества субъекта. Кроме того, исходя из общей теории мышления в практической деятельности, влияние на феномен принятия решения на этапе возникновения проблемной ситуации оказывает взаимодействующая система «субъект – объект». Например, закономерно ожидать, что одной из детерминант, относящейся к свойствам взаимодействующей системы, является реализуемость принимаемого решения. Для решения на этапе возникновения проблемной ситуации реализуемость означает фактически возможное разрешение данной проблемной ситуации.

Однако, в контексте проводимого нами исследования, здесь нас интересует больше вторая, внутренняя группа детерминант – индивидуально личностные особенности, которые определяют регулятивную подсистему психики.

В наших работах мы уже отмечали, что исследования индивидуально-личностных переменных, связанных с процессом принятия решения, характеризуются существенными разногласиями [10]. Эм-

пирические данные, накопленные психологами, исследовавшими процессы принятия решения, показывают, что большая часть изменений объясняется с помощью факторов среды. Можно выделить три точки зрения на роль последних в соотношении с индивидуально-личностными факторами в процессе выбора:

1. «Инвайроментализм» (ситуационизм) – точка зрения в рамках классического бихевиоризма. Основатель этого направления Б. Скиннер писал, что физическая и социальная среда, т. е. организация производственных предприятий и средств массовой информации, институты образования и здравоохранения, экономика и рыночная ситуация, средства сообщения и архитектура городов влияют на поведение людей.

2. Субъективистская точка зрения. Представители этого направления считают, что человеческие решения обусловлены структурой личности, такими стабильными ее свойствами, как способность, темперамент, степень страха, сила воли.

3. Две вышеописанные точки зрения объединены К. Левиным в его формуле $B = f(S, P)$: поведение (B) является функцией (f) как от ситуации (S), так и от особенностей личности (P).

Из личностных переменных, связанных с процессом принятия решения, наиболее интенсивно изучается locus контроля, учение о котором возникло из теории социального обучения. И. Роттер обнаружил, что люди с внутренним locus контроля обладают высокой потребностью в достижениях, с внешним – более низкой [9].

В работах Г. Уиткина установлено, что ползависимые лица более конформны, т. е. locus контроля у них внешний. Лица с внутренним locus контроля активнее ищут информацию и осведомленнее в информационной ситуации, чем лица с внешним locus контроля. Напротив, последние испытывали большие трудности в принятии решения, если это решение имело серьезные последствия для них [12].

Многочисленные исследования свидетельствуют о связи экстернального (внешнего) locus контроля с психопатологией. Экстернальность коррелирует с тревожностью, психическими заболеваниями, часто с шизофренией. Интересны данные, приводимые Д. Миллером и др., о локусе контроля у руководителей [9]. Обнаружено, что они характеризуются более высокими показателями внутреннего locus контроля, чем неруководители. Locus контроля имеет непосредственное отношение к стратегии фирмы. Руководители с большим уровнем внутреннего субъективного контроля стремятся вводить больше нововведений в производство, идут на больший риск и принимают решение сами, не приглашая экспертов. Описаны взаимосвязи с процессом принятия решения такого свойства индивидуальности, как ригидность, личностные и когнитивно-стилевые особенности субъекта. Т. Адорно показал связь ригидности в перцептивных и социальных задачах при исследовании догматизма и авторитарности. Если ригидность – спо-

соб, которым индивид пользуется для решения конкретных задач, то догматизм – более глобальная и абстрактная форма сопротивления изменениям, характеристика общей системы, организация идей и убеждений, захватывающая области политики, религии, культуры. П. Лич установил негативную связь ригидности с творческим потенциалом личности. Лица с высоким творческим потенциалом отличаются гибкостью мышления, независимостью в своих суждениях, отрицанием социальных стереотипов и склонностью к сложным формам выражения своих эстетических предпочтений.

Была обнаружена положительная и статистически значимая связь между ригидностью и внушаемостью. Г. В. Залевский и другие исследователи предполагают, что как ригидность, так и внушаемость – проявления недостаточного жизненного тонуса, стремления облегчить решение некоторых жизненных задач, направленность по уже проторенному пути, стандартному, не требующему от человека учета нового, своеобразного [7].

В. В. Кочетков установил, что в основе внушаемости лежат закономерности протекания процесса принятия решения, а выбор решения внушаемого человека определяется мнением других людей [9].

Есть сходство между ситуацией принятия решения и ситуацией внушения, заключающееся в том, что в той и в другой наличествует неопределенность. Известно, что человеку легче всего внушить что-либо, когда он в нерешительности что предпринять, а есть необходимость принятия решения. Внушаемость – сложное и малоизученное психическое образование, а данные исследований И. Г. Скотниковой позволили увидеть новые, неожиданные стороны этого явления [9].

Согласно определению такой индивидуально-стилевой особенности, как импульсивность-рефлексивность, она непосредственно характеризует процесс принятия решения [2]. Можно считать, что ригидность (это подтверждают многочисленные факты) и импульсивность (подтверждается психологическим содержанием этого свойства) наиболее связаны с процессом принятия решения в сравнении с другими двумя аффективными, по Дж. Ройсу, параметрами когнитивных стилей – толерантностью к нереальному опыту и физиономическим-буквенным стилем [8].

В связи с разрешением возникшей проблемной ситуации, необходимо также рассматривать фактор риска как присущего интеллектуальным решениям человека, находящегося в ситуации неопределенности.

В. Гавлуй применил системный подход к анализу личностных характеристик в рискованном поведении. Поведение личности в пространстве решения определяется многими факторами, которые в своей взаимосвязи образуют систему. Важнейшим из личностных свойств, определяющим поведение субъекта в ситуации решения, он считает стремление к риску, причем не к риску ради него самого, а

из-за более или менее субъективно значимых ценностей.

Одну из глав своей работы Н. Коган и М. Баллах посвятили личностным коррелятам риска. Они искали корреляцию риска с импульсивностью, самоуспешностью, независимостью проявляемой тревоги, социальной желательностью и уступчивостью отдельно для мужчин и женщин. Авторы предполагали, что риск будет позитивно связан с импульсивностью, негативно – с проявляемой тревожностью и ригидностью и криволинейно с самоуспешностью и независимостью. Они ожидали, что самоуспешные и независимые личности будут предпочитать средний уровень риска [9].

Не подтвердилась положительная связь между риском и импульсивностью. Не было найдено доказательств криволинейной зависимости между риском, самоуспешностью, независимостью. Обнаружились, однако, половые различия: у женщин риск положительно коррелировал с самоуспешностью, а у мужчин независимость была связана с большей осторожностью.

Кроме того, авторы ожидали, что тревожность и ригидность будут связаны с большим консерватизмом. Здесь гипотеза о прямых личностных коррелятах получила подтверждение, хотя абсолютные значения корреляций малы, при этом наблюдаются половые различия. Тревожность связана с осторожностью только у мужчин, а ригидность – и у мужчин, и у женщин. Очень высокая отрицательная корреляция между проявляемой тревогой и социальной желательностью у мужчин тем более заслуживает внимания, что риск связан с указанными качествами.

Связь импульсивности и риска исследовалась также И. О'Кифи [9].

Индийский психолог К. Кришна исследовал связь риска с возрастом, полом, местом жительства, порядком рождения в семье, социо-экономическим статусом, кастами. В результате оказалось, что пол оказывает существенное влияние на риск (мужчины более рискованны).

От остальных факторов риск не зависит. К. Кришна обнаружил также, что у мужчин риск положительно коррелировал с социальной и эмоциональной стабильностью и значимо отрицательно с экстраверсией, ответственностью и стремлением к доминированию. У женщин риск отрицательно коррелировал с ответственностью [9].

В своих работах Ю. Козелецкий показал, что большую степень риска предпочитали при выборе люди агрессивные, с сильной потребностью в преобладании, самоутверждении. Осторожные стратегии выбирали лица с потребностью в независимости и с большей неустойчивостью в действиях [3].

А. Скодел и др. установили, что «испытываемые, более осторожно идущие на пари, были выше по потребности в достижениях, теоретическим и эстетическим ценностям и боязни неудачи, чем выбирающие риск» [9].

К Шнейдер и др. обнаружили, что ориентированные на успех индивиды пытаются максимизировать положительный эффект в ситуациях принятия решения, т. е. им свойственны стратегии максимакса (выбор альтернативы, дающей максимально возможный выигрыш независимо от величины проигрыша, к которому эта альтернатива может привести в случае неудачи) и максимина (из альтернатив выбирают ту, что дает минимальный твердый выигрыш, ориентированные на неудачу пытаются минимизировать негативный эффект, т. е. применяют стратегию минимакса (определяют максимально возможный убыток и выбирают альтернативу, минимизирующую эту величину). В обзоре А. Сэйджа, И. Уайта отмечается, что среди личностных черт при принятии решения с риском важны, по крайней мере, четыре: прошлый опыт, установки, локус контроля и стремление к ощущениям (sensation seeking) [9].

Однако описаны и противоречащие друг другу факты. Так, Г. Уиткин и др. [12] считают, что риск не коррелирует с поле(не)зависимостью. В работе же И. Сарманы показано, что уровень тенденции к риску существенно выше у группы полезависимых.

Итак, у разных авторов не сложилось общей стройной системы взглядов на связь принятия рискованных решений с индивидуально-личностными характеристиками. Как отмечал У. Эдвардс, многие исследователи ясно проанализировали категории полезности и субъективной вероятности в связи с личностными переменными. Часто результаты исследований взаимно противоречивы. Можно предположить, что подобная неясность – следствие отсутствия в зарубежной психологии единой теоретической основы, с которой изучались бы личностные переменные [9].

Наиболее согласованы оценки различных авторов о связи процесса принятия решения со следующими индивидуально-личностными характеристиками: склонностью к риску, локусом контроля, импульсивностью, ригидностью, внушаемостью.

Таким образом, описанные индивидуально-личностные компоненты во взаимосвязи с процессом принятия решения присущи и процессу, происходящему на этапе возникновения проблемной ситуации. Однако в настоящее время детерминирующая функция регулятивной подсистемы психики в связи с процессом принятия решения определена не вполне и остается актуальной проблемой научных разработок. Анализ психологической литературы по рассматриваемой теме показал, что в ходе изучения и систематизации большого эмпирического опыта и прикладного изучения процесса принятия решения, как в целом, так и на этапе возникновения проблемной ситуации, остается неисследованным вопрос взаимовлияния индивидуально-личностных особенностей и характеристик процесса принятия решений как интегрального процесса психической регуляции деятельности и поведения. Детальная разработка

проблемы принятия решения на этапе возникновения проблемной ситуации, на наш взгляд, позволит расширить понимание процесса принятия решения, осуществлять анализ и формировать прогноз поведения субъекта в ситуации неопределенности, а также эффективно планировать актуальную деятельность.

Литература

1. Карпов, А. В. Психология принятия решения в профессиональной деятельности [Текст] / А. В. Карпов. – Ярославль, 1991.
2. Когнитивные стили [Текст] / под ред. В. Колги. – Таллинн, 1986.
3. Козелецкий, Ю. Психологическая теория решений [Текст] / Ю. Козелецкий – М.: Прогресс, 1979. – 503 с.
4. Конева, Е. В. Особенности индивидуальной классификации опыта в мышлении профессионала [Текст] // Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемости знаний. – Ярославль, 1997. – С. 31 – 38.
5. Конева, Е. В. Принятие решения на этапе возникновения проблемной ситуации [Текст] / Е. В. Конева // Психологические проблемы принятия решения / под ред. проф. А. В. Карпова. – Ярославль, 2001. 92 с.
6. Корнилов, Ю. К. Как ситуация становится проблемной [Текст] / Ю. К. Корнилов // Практическое мышление и опыт: ситуативность и инструментальность обобщений. – Ярославль, 2000.
7. Корнилова, Т. В. О функциональной регуляции принятия интеллектуальных решений [Текст] / Т. В. Корнилова // Психологический журнал. – 1997. – № 5. – С. 73 – 84.
8. Корнилова, Т. В. Подходы к изучению когнитивных стилей: двадцать лет спустя [Текст] / Т. В. Корнилова, Г. В. Парамей // Вопросы психологии. – 1989. – № 6. – С. 140 – 148.
9. Кочетков, В. В. Индивидуально-психологические проблемы принятия решений [Текст] / В. В. Кочетков, И. Г. Скотникова. – М.: Наука, 1993. – 141 с.
10. Морозова, И. С. Проявление личностных характеристик субъекта деятельности в процессе принятия решений [Текст] / И. С. Морозова, С. А. Дранишников // Стратегия и пути развития национального образования в России: сб. научных трудов (по материалам Международной XXVIII научно-методической конференции КемГУ). – Кемерово, 2007.
11. Общая психология / под ред. А. В. Петровского. – М., 1986.
12. Witkin, H. A. A manual for the Embedded Figures Test / H. A. Witkin, P. K. Ottman, E. Raskin, S. A. Karp Palo Alto; Calif: Consulting Psychologist Press. – 1971. – 36 p.